

Т.Е. Комаровская

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ТИПИЗАЦИИ ОБРАЗА В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ США В XX ВЕКЕ.

Начиная с 20-х годов, XX век является свидетелем неистощимого интереса читателей обоих полушарий к историческому и биографическому романам. Этот интерес в отдельные годы то возрастал, то снижался, но неизменно заявлял о себе на протяжении почти всего века. Причин его множество: и "взрыв" популярности биографической литературы в 20-е годы, давший удивительное разнообразие жанровых форм биографии и узаконивший биографический роман как ее жанровую разновидность; и интерес к личности, стимулированный, с одной стороны, разработкой психологических проблем Фрейдом и Юнгом, а с другой стороны - достижениями художественной литературы, давшей прекрасные образцы исследования сложной и противоречивой человеческой природы; и извечный интерес к истории, обостряющийся в сложные периоды жизни народов, пытающихся через прошлое понять настоящее и предвидеть будущее.

К образам Вашингтона, Линкольна, Джефферсона (если назвать только наиболее популярных героев американской истории) американская литература обращалась настолько часто, что есть все основания говорить об установлении традиции по отношению к данному материалу. "Традиция, - по верному замечанию Р.Веймана - не может быть ни чисто историческим, ни чисто современным литературным явлением; она охватывает и то и другое, устанавливая связи между произведением как фактом истории и его воздействием на современного читателя, между полученным нами по традиции результатом творчества прошлых эпох ("образцам") и его живой переработкой в современном мире"¹. Так и эти "традиционные" образы являются "эстетическим катализатором для моделирования и осмысления процессов"² современной автору действительности, наполняются содержанием, созвучным эпохе и мировоззрению автора.

Смена исторических эпох и сопутствующих им этических, эстетических представлений неоднократно оказывала влияние на традицию изображения героев американской истории. Так, несмотря на отдельные случаи удачного воссоздания образа Вашингтона в книгах В.Ирвинга (1855-1859) и Мейсона Локка Уимза (1800), в монументальном исследовании Маршалла (1804-1807), фигура Вашингтона в соответствии с общей тенденцией создания дистиллированных панегирических биографий в XIX веке, всячески поддерживаемой господством "изысканной традиции", в американской литературе этого периода канонизирована, лишена жизни, не отвечает законам создания полноценного образа в реалистическом искусстве.

Диапазон концепций образа Вашингтона в американской литературе XX века поистине поражает: от героя, способного внушать только благоговейный восторг ("Те, кто любят" И.Стоуна) до

тщеславного ничтожества, равнодушного к нуждам республики, пекущегося только о своей карьере, каким Вашингтон предстает в "Бэрре" Г.Видала. Сказать, что множественность концепций исторического персонажа определяется художественной задачей, которую автор ставит перед собой, его мировоззрением – значит не сказать ничего, хотя это объяснение и будет верно, как и всякое общее место. Общеизвестно, что, пытаясь осмыслить настоящее, писатели со времен Шекспира обращались за ответом к прошлому. Но почему же все-таки именно в XX веке так резко возрастает интерес к деятелям далекого и недавнего прошлого, к невыдуманным героям? До какой-то степени это явление можно объяснить взрывом интереса к биографическому жанру, который имел свои причины и предпосылки в XX веке. И все же главное объяснение содержится, на наш взгляд, в мысли Д.Затонского о специфике литературного процесса XX века, когда типичное для времени и эпохи начинают искать не в массовидном, а в характерном и оттого единичном, даже аутентичном, что вызывает переосмысление понятия "литературный тип".

Понятие "литературный тип" начало выкристаллизовываться в теоретическом аспекте еще со времен Филдинга – именно он добивался "вероятности" создаваемых персонажей, и требование реалистической типизации стало одним из основных в его теории реалистического романа.

С бальзаковских времен литературный тип складывался "путем соединения отдельных черт многочисленных однородных характеров"³; даже титаны, вроде Гранде или Вотрена, оказывались результатом некоего усредняющего обобщения. А сегодня реалистический тип, – считает Д.Затонский, – это нередко образ не наиболее емкий, а наиболее показательный. живой прототип такого (наиболее показательного) человеческого образа уже не нужно непременно расширять, переосмыслять; его порой достаточно осмыслить, поставив в соответствующий стилистический контекст.

Итак, реалистический тип сегодня – это зачастую не обобщенный образ, а образ исторический, наделанный типичными чертами. Именно эта тенденция литературы XX века и привела, по нашему мнению, к столь многочисленным обращениям к образам реально существовавших людей. Наиболее отчетливо просматривается она, пожалуй, в двух произведениях современной американской исторической прозы: в романе "Бэрр" Гора Видала и "Непобежденные" Г.Фаста.

Исторический роман "Непобежденные" (1942), рассматриваемый в контексте творчества Г.Фаста начала 40-х годов, озадачивает. Исследователи творчества Г.Фаста этого периода (Елистратова⁴, Дубашинский⁵) обычно говорят об этом романе как о шаге назад по сравнению с произведениями на ту же историческую тематику, созданными непосредственно до и после "Непобежденных" – историческим романом "Рожденные свободными" (1939) и романизованной биографией "Гражданин Том Пейн" (1943). Если в «Рожденных свободными» Фаст вскрывает лживый характер буржуазной концепции о "единой молодой нации", показав наличие

острой классовой борьбы в ней, а в "Гражданине Томе Пейне" еще острее, чем в предыдущем произведении, ставит вопрос относительно оборотной стороны буржуазного развития США, что находится в полном соответствии с его эстетическими взглядами, выраженными в статье "Реализм и советский роман" (1945), в которой Фаст, опираясь на опыт советской литературы, предъявляет прогрессивной литературе США требование высокой идейности, отбора и обобщения типических явлений социальной действительности., то "Непобежденные", исторический роман, созданный в промежутке между этими двумя произведениями, грешит, по мнению исследователей, идеализацией образа Вашингтона и тем, что писатель "не сумел дать верного представления о соотношении классовых сил в соотношении классовых сил в революционном лагере".⁶ Чем же был вызван этот шаг назад в творчестве Фаста, и является ли он действительно шагом назад?

Показательна мотивировка обращения Г.Фаста к личности Вашингтона в этом романе, написанном в самый трагический период мировой истории XX века - в 1940 году, когда коричневая волна нацизма захлестывала одну страну за другой и не было, казалось, силы, способной противостоять ей. Написать беллетристическое произведение о войне было, по мысли Фаста, тогда еще невозможно - не было исторической дистанции, с которой можно было бы взглянуть на события и подвергнуть действительность процессу художественного анализа и обобщения. И писатель обращается к истории, чтобы найти в ней сходную ситуацию, когда силы демократии и прогресса, теснимые реакцией, сумели не только выстоять, но и победить.

Герой, который нужен автору для выполнения этой идейно-эстетической задачи - это не талантливый полководец, стоящий во главе армии, охваченной революционным порывом и потому сметающий все преграды на своем пути, но человек заурядный, в военном деле не разбирающийся, выдающийся разве что своей преданностью революционным идеалам и мужеством, гуманный, способный проникнуться заботами и страданиями тех, кто от него зависит, и потому способный в конце концов выковать армию, которая победит. Эти черты Фаст находит у исторического Вашингтона, а исторической ситуацией, которая его вполне устраивает, становится один из самых черных периодов Войны за Независимость: август-декабрь 1776 года, вмещающий в себя разгром армии Вашингтона на Бруклинских высотах, поражение его и бегство с Манхэттена, падение форта Вашингтон, бесконечное беспорядочное бегство, постоянные поражения. Роман заканчивается описанием переправы голодных измученных солдат Вашингтона к Трентону накануне их блестящей победы над большой группировкой англичан. Эта победа определит перелом если не в войне, то, во всяком случае, в настроении армии, явится свидетельством качественных изменений, происшедших как в ней, так и в ее руководстве. Целью автора, и было проанализировать, как такой перелом был подготовлен в душах простых солдат и командного состава, в частности, Вашингтона.

Эволюция образа Вашингтона в романе – это эволюция гордого богатого южного плантатора, не имеющего никаких способностей к военному делу и познаний в нем, согласившегося на пост Главнокомандующего революционной армией из тщеслаз да из каких-то смутно осознаваемых им самим революционных идеалов; пришедшего в ужас при виде своей армии – необученной, слабо вооруженной армии неотесанных северян-янки, внушавших ему чуть ли не отвращение, армии юнцов, не умевших и не желавших воевать; до военачальника, сильного своей преданностью революции, состраданием к тем, кто сражается за эти идеалы и умеющего перевоспитывать, создавать свои революционную армию. «Он научился чему-то очень тяжелому для аристократа, для охотника на лис, для самого богатого человека в Америке; ... Желая более всего любви и уважения окружающих, он обрел странный покой, отдавая всего себя»⁷, – подытоживает автор процесс его духовного развития. Армия, которую мы видим в конце романа – это подлинно революционная армия, которую победить нельзя, армия, сильная своим духом, а сила ее вождя в том, что он "служил народу, но не управлял им"⁸, а потому и является для автора идеалом руководителя нации.

Эта эволюция образа подчеркивается и настойчивым повторением кратких характеристик Вашингтона в художественной ткани романа: Вашингтон растерянный, неуверенный в себе, окруженный стеной отчуждения от своих солдат – это foxhunter, охотник на лис – таково авторское резюме его личности. Вашингтон, утративший аристократические замашки, ставший единым целым со своими солдатами и офицерами, отказавшийся от всего во имя торжества революции, которой необходима победа над врагом, – этого Вашингтона Фаст все чаще и чаще называет «the big man» – великим человеком. Величие Вашингтона по Фасту, – в его преданности делу революции, в его единении с революционным народом. Темой романа становятся, таким образом, взаимоотношения главнокомандующего, вождя и народных масс.

Характерно, что основной конфликт романа сосредоточен в пространственных рамках армии Вашингтона, словно предвосхищая локализацию конфликта американской литературы о II мировой войне, и лежит в нравственной сфере: это конфликт между Вашингтоном и генералом Ли, представленным в романе в качестве его антагониста. Их разъединяет в первую очередь противоположность не качеств военачальников, но нравственных позиций. Вот как автор характеризует генерала Ли: "Он ни разу в своей жизни не воевал за дело, которое считал справедливым, или повинясь чувству. Он никогда не воевал за торжество зла или его искоренение. Он воевал, потому что военное дело было его профессией, и хотя он не всегда служил тому, кто мог звалать ему больше, он, во всяком случае, никогда не воевал из идейных принципов"⁹. Вашингтон же – солдат не по призванию или выучке, но по необходимости защищать революцию, по велению сердца и совести.

Итак, доминантой образа Вашингтона в романе Фаста является постепенное, все более глубокое и органичное приобщение

человека к борьбе народных масс, все более глубокое понимание и осознание личностью общественных интересов, которые делаются для нее ее собственными, кровными интересами. Эта тема – тема процесса становления личности, постепенного расширения общественных связей героя, осознающего себя борцом за общеродное дело, является основной и для "Рожденных свободными" и для "Гражданина Тома Пейна", да и для многочисленных произведений литературы XX века, отражающих процесс вовлечения личности, широких народных масс в общественную борьбу. Не об идеализации образа следует говорить в данном случае, а о желании автора представить образ реально существовавшего исторического лица и его жизненной драмы типичным, характерным для переживаемого автором исторического момента, чтобы пробудить надежду и мужество в сердцах его современников.

Тем же стремлением к отражению процессов, характерных для нашего бурного времени, был вдохновлен и "Бэрр" (1973) Гора Видала. Характерно, что как Фаст, так и Видал заглянут о своей приверженности документу. Верить им можно не всегда. Так, Фаст явно грешит против фактов, изображая Вашингтона неопытным, ничего не смыслящим в военном деле новичком. Между тем, военная карьера Вашингтона началась задолго до описываемых событий. Он отличился еще во время военных действий английских колонистов против французских войск и бытность майором милиции Виргинии. В минуты опасности его всегда характеризовали исключительное самообладание, присутствие духа и мужество. За успешные действия во время французской и индейской войн он был назначен главнокомандующим военными отрядами Виргинии и уже к I Континентальному конгрессу пользовался репутацией храброго воина и военного организатора.

Автор "Бэрра" утверждает, что Вашингтон был равнодушен к нуждам и лишениям своей армии. Это утверждение находится в противоречии с документом. Вот что писал сам Вашингтон 16 февраля 1778 года по поводу зимовки в Вэлли Форк: "... Ничто не тревожило меня так с самого начала войны ... Несколько дней уже, как армия почти умирает от голода. Часть армии в те недели оставалась без мяса... Нельзя не удивляться изумительному терпению и верности солдат, раздетых и голодных, нельзя не удивляться, что, несмотря на страдания, они до сих пор не взбунтовались и не разбежались. Однако уже заметны явные признаки недовольства. Только самыми энергичными усилиями можно будет предотвратить столь ужасную катастрофу... Нет никаких оснований ожидать облегчения и в дальнейшем"¹⁰. Вряд ли это слова военачальника, равнодушного к нуждам и запросам своих солдат.

Но и опираясь на факты, их можно трактовать по-разному, в зависимости от общей идейно-эстетической концепции автора. У Гора Видала она определяется его убеждением в том, что государственная, политическая система США с самого момента своего зарождения была заражена коррупцией, основана на стремлении к власти и идеалах денежного мешка, не имела никакого соответствия с принципами "Декларации независимости". Эта мысль – стер-

жень романа – определяет и прочтение автором истории США, сводящееся к осмеянию и безжалостному разоблачению всех святых национальной истории: революции, ее героев, отцов-основателей, ее идеалов, закрепленных в "Декларации независимости".

В романе Видала достается всем отцам-основателям: Вашингтону, Джону Адамсу, Монроу, Джефферсону. По отношению к Вашингтону автор особенно безжалостен, поистине сокрушая этого, по его мнению, глиняного колосса. Бездарный военачальник, нерешительный и безынициативный, способный наносить поражения только своим соперникам по власти, самовлюбленный, склонный к монархистским замашкам – таким предстает этот величайший герой национальной истории в романе Видала. Автор обвиняет его в неумелом ведении битв, возлагает на него ответственность за все неудачи и поражения в войне.

"Бэрр" Видала воплощает стремление автора поставить современные проблемы на историческом, документальном материале. Зародыш глубоких неизгладимых противоречий, потрясающих американскую социальную и политическую систему, отзвук политических скандалов сегодняшнего дня ("Бэрр" был вдохновлен непосредственно уотергейтским скандалом) автор находит в далеком прошлом, что и побуждает его придать образу исторического героя, т.е. Вашингтона, черты, свойственные политическому лидеру современных Соединенных Штатов.

Сатирическую заостренность, временами придающую изображаемому характер фарса, свойственную "Бэрру", следует объяснять также, исходя из жанровой природы произведения: в XX веке фиктивная документальность народийна чуть ли не повсеместно, особенно на Западе.

Прочтение Ирвингом Стоуном американской истории в его биографическом романе "Те, кто любят" (1965) резко отличается от картины, нарисованной Видалом в "Бэрре". "Те, кто любят" проникнут пафосом героической борьбы народа и его лучших сынов за свою свободу и независимость. С огромным уважением относится автор к "отцам-основателям", которых он рисует людьми, посвятившими жизни рождению и становлению молодого независимого американского государства, глубоко преданными ему. С благоговением изображает Стоун Вашингтона, наделяя его образ героическими чертами, подчеркивая уже в его внешнем облике скромность и величие одновременно. Позицию, прямо противоположна автору "Бэрра", занимает Стоун и при описании военной кампании под руководством Вашингтона. Где герой Видала безжалостно насмешлив, разоблачая бездарное руководство, отсутствие подлинного энтузиазма и патриотизма, глубоко запрятанное безразличие к судьбе колоний, там отношение Стоуна явно сочувственное.

По яркому контрасту с "Бэрром", в поражениях армии Вашингтона, которые следовали одно за другим, Стоун винит не военачальника, но Конгресс, зато превозносит малейшую удачу и победу Вашингтона. Так, Стоун с восхищением говорит об операции Вашингтона по укреплению Дорчестерских высот, результатом которой была эвакуация английских войск из

Бостона, подчеркивает героизм, проявленный его приближенным Генри Ноксом, в невозможных условиях обеспечившим американскую армию артиллерией (изображение этого исторического лица в "Бэрре" проникнуто презрением автора). "Великий и благородный человек"¹¹ – такова стоуновская концепция Вашингтона-президента, которого "никто никогда не мог заменить"¹² на этом посту.

Написанный на восемь лет раньше "Бэрра", создаваемый в другой период американской истории, период пробуждения страны к активной политической деятельности, возрождения либеральных надежд, биографический роман Стоуна об Адамсах нес абсолютно иную идейную нагрузку, заключающуюся, в первую очередь, в дидактической, воспитательной направленности этого произведения. Образы героев "Тех, кто любят" (Джон и Абигейл Адамсы, Вашингтон и др.) – это, прежде всего, идеал, поставленный автором перед своими читателями, призванный заставить их очнуться от духовной спячки и бездействия, вспомнив о своем великом прошлом, пробудиться к активной политической жизни. Отсюда и поэтизация этого прошлого в романе, и героический пафос произведения, и героические черты персонажей, сконцентрировавшие те личностные качества, которые автор хотел бы видеть у своих современников.

Интерес к историческим персонажам у писателя XX века обусловлен в первую очередь его стремлением не к образной перестройке, перекомпоновке факта при создании образа, но к образному его прочтению, к поискам общественной модели, воплощенной в личности и в судьбе конкретного реально существовавшего лица.

-
1. Вейман Р. История литературы и современность: очерки по методологии и истории литературы. – М., 1975, с. 48.
 2. Рекомендации к изучению традиционных сюжетов и образов мировой литературы. – Черновцы, 1981, вып.1, с.5.
 3. Затонский Д. Роман и документ. – Вопросы литературы, 1976, № 12, с.161.
 4. Елистратова А. Говард Фаст. – В сб.: Современная американская литература. – М., 1950.
 5. Дубашинский И. Говард Фаст. – В сб.: Современная прогрессивная литература зарубежных стран в борьбе за мир". – М., 1954.
 6. Елистратова А. Говард Фаст. Цит. по изд.
 7. Fast H. Unvanquished. N.Y.: The Modern Library, 1945, p. 309.
 8. Там же, с.314.
 9. Там же, с.160-161.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ